

ГОЛОСА ИЗ ОКОН

ОЖИВШИЕ ИСТОРИИ ПЕТЕРБУРГСКИХ ДОМОВ

Мостаявил

Екатерина
Кубрякова

Петербург. Архитектура и история

Екатерина Кубрякова

**Голоса из окон. Ожившие
истории петербургских домов**

«ЭКСМО»

2023

УДК 94(470.23-25)
ББК 63.3 (2-2Санкт-Петербург)

Кубрякова Е. В.

Голоса из окон. Ожившие истории петербургских домов /
Е. В. Кубрякова — «Эксмо», 2023 — (Петербург. Архитектура и
история)

ISBN 978-5-04-178700-4

Старинные дома — свидетели судеб. Они хранят множество историй. И если вы готовы услышать, им, бесспорно, есть что вам рассказать. 37 домов, 37 разных историй и переплетений судеб, счастья и горя, успеха и забвения, рождения и смерти. В этой книге Петербург во всем своем многообразии «говорит» с читателями голосами его жителей, впуская их в мир, обычно скрытый от посторонних глаз. Книга основана на дневниках, художественных произведениях, публицистике и архивных материалах. Внутри вы найдете как современные фотографии фасадов, так и исторические фотографии, и иллюстрации. В этот раз вы перенесетесь во времени и узнаете: • судьбу дочери Александра Пушкина, ставшей прообразом Анна Карениной; • станете свидетелем триумфа Дмитрия Шостаковича; • переживете голос и страх блокадного Ленинграда вместе с маленькой девочкой, ждущей свою маму; • посетите вечера у первых евангелистов и полюбуетесь на легендарную малахитовую комнату; • послушаете выступление Марлен Дитрих вместе с Паустовским и др. Выходит при информационной поддержке книжной сети Санкт-Петербурга «Буквоед». В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(470.23-25)
ББК 63.3 (2-2Санкт-Петербург)

ISBN 978-5-04-178700-4

© Кубрякова Е. В., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Читателю	7
Дом князя Мещерского	8
Особняк Демидова	23
Доходный дом	36
Доходный дом Зайцевых	45
Доходный дом	56
Конец ознакомительного фрагмента.	61

**Екатерина Кубрякова
Голоса из окон. Ожившие
истории петербургских домов**

**БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО**

- © Екатерина Кубрякова, текст, 2023
- © Лилия Павлова, фото, 2023
- © Александра Конакова, коллажи, 2023
- © Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга, иллюстрации, 2023
- © Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Читателю

Что только не коллекционируют люди! Наверняка вы и сами испытывали этот азарт собирателя, пополняющего свою сокровищницу ценной книгой, фарфоровой чашкой, дизайнерским нарядом или бутылкой редкого вина.

Есть коллекция и у меня, и часть ее сейчас в ваших руках. Она не совсем обычна, поскольку нематериальна, неуловима. Я собираю голоса из окон старинных домов Петербурга – мемуары знаменитых и не очень горожан, очерки из газет, обрывки воспоминаний и сцены из художественных произведений, связанные с конкретными зданиями, стены которых и сейчас хранят истории прошлого.

Это не энциклопедия и не краеведческое исследование. Скорее – калейдоскоп историй, своеобразная интерпретация *genius loci*, духа места, обитающего в старинных домах великого города. Попытка оживить здания, безмолвных свидетелей былого, голосами их знаменитых обитателей.

Петербург уникален, загадочен и многослоен. Где-то в его зазеркалье призраки прошлого все еще бродят мимо особняков, дворцов, доходных домов, из окон которых доносятся то стихи поэтов «серебряного века», то метроном блокадного радио, то ритмы вальса, то шум коммунального быта.

Старинные дома – свидетели судеб. Они хранят множество историй. И, если вы готовы услышать, им, бесспорно, есть, что вам рассказать.

Екатерина Кубрякова

**Дом князя Мещерского
(1870 г., архитектор Е. П. Варгин)
Марата ул., 9**

«В большой, типично ленинградской, не очень уютной комнате, окнами выходившей на улицу Марата, Шостакович шагал быстрой своей походкой, потом он присаживался у подоконника, выстукивал что-то карандашиком, потом опять слышались шаги, на некоторое время все затихало, затем хлопала входная дверь, композитор убежал гулять.

Почти пять лет я прожил с Шостаковичем под одной крышей, в одной квартире, но мне так и не удалось уловить, как и когда сочинял он свою музыку. За инструмент он садился редко,

а если играл, то не себя, а других композиторов. Поэтому каждый раз почти сюрпризом было, когда Дмитрий Дмитриевич объявлял: «Я сочинил симфонию, приходите в филармонию на прослушивание»¹.

Из окон квартиры № 7, расположенной на пятом этаже этого дома, нечасто доносились звуки фортепиано. Поселившийся здесь в 1929 году двадцатипятилетний режиссер Сергей Юткевич каждый вечер, возвращаясь с «Ленфильма», недоуменно спрашивал своего уже прославленного соседа, двадцатитрехлетнего Дмитрия Шостаковича, почему работа композитора так загадочна? Как музыка может рождаться из тишины?

Он, театральный художник и постановщик, а теперь еще и руководитель первой в Ленинграде киномастерской, привык «осознать» свое ремесло. Ведь прежде чем написать картину, нужно увидеть краски, а прежде чем поставить спектакль, собрать макет декораций. Разве,

---

¹ Юткевич С. Контрапункт режиссера. М.: Искусство, 1960.

следуя этой логике, композитору для сочинения музыки не нужно хотя бы сесть за рояль и извлечь несколько звуков?

Творческий диспут прерывался стуком в дверь – почти каждый вечер в квартиру на Марата к приятелям приходили товарищи. Музыковед Иван Соллертинский, один из лучших друзей Шостаковича, знакомивший его с творениями виртуозов прошлого (в 1944 году памяти друга Дмитрий посвятит «Фортепианное трио № 2») и композитор Виссарион Шабалин, член московской Ассоциации современной музыки (АСМ), филиал которой теперь открылся и в Ленинграде. Шостакович тоже состоял в этом объединении музыкантов-экспериментаторов – при АСМ два года назад была организована премьера Второй симфонии «Октябрю», и вот-вот состоится исполнение Третьей «Первомайской». Дирижировать будет Александр Гаук, еще один завсегдатай этого дома. Он самый взрослый в компании – в 1929 году тридцатишестилетний музыкант готовится возглавить симфонический оркестр Ленинградской филармонии (с тех пор и до конца своей карьеры он будет главным дирижером больших государственных оркестров).

Сергей Юткевич

Наблюдая за этой музыкальной компанией, в которой бесконечно говорили об искусстве, но почти не подходили к роялю, Сергей Юткевич поймет, что сонаты и марши сочиняются именно сейчас, в головах творцов, и запись нот у инструмента – лишь последний, единственный видимый этап работы. Пять лет жизни бок о бок с Шостаковичем отразятся и на его подходе к кинематографии. Он научится работать «в уме», создавая фильмы задолго до получения пленки и аппарата. Технические вопросы отойдут на второй план, ведь важнее – нащупать нечто. Нечто, оставляющее след в сознании зрителя, пробуждающее его чувства. А найти этот секрет, отличающий успешные картины от проходных, можно, только если уметь мыслить кинематографически, как Шостакович умел мыслить музыкально.

Юткевич в кино не новичок.

К моменту переезда в квартиру на Марата он уже отличился как художник в скандальной картине 1927 года «Третья Мещанская», где работал в одной команде с режиссером Абрамом Роммом и сценаристом Виктором Шкловским, использовавшим в качестве прототипов героев фильма своих реальных знакомых – Владимира Маяковского и супружескую пару Брик.

Тема любви втроем и женской эмансипации, поднятая в картине, вполне соответствовала идеологической повестке молодого коммунистического государства 1920-х годов, однако к 1930-м эпатажная теория «стакана воды»² утратила свою актуальность. Фокус сместился на построение парной, эффективно работающей ячейки общества. «Третья Мещанская» в то время не получила признания, а сегодня относится критиками к шедеврам советского немого кино.

Сергей Юткевич занял кресло режиссера и стал выбирать более политкорректные фильмы. Из этого дома будущий трехкратный победитель Каннского кинофестиваля и лауреат нескольких государственных премий отправлялся на Ленфильм, где снимал истории про борьбу комсомольцев со спекулянтами («Черный парус», 1929), подготовку дореволюционной фабричной забастовки («Златые горы», 1931), путь к успеху рабочих ленинградского турбинного завода («Встречный», 1932).

Во «Встречном» Шостакович выступит композитором и напишет знаменитую песню «Нас утро встречает прохладой, нас ветром встречает река...». Мелодия, попавшая во время войны в Америку и исполненная как гимн при создании ООН, рождалась здесь. Для Дмитрия работа над ней не была простой, не раз он белыми ночами ходил к сценаристу фильма Лео Арнштаму, жившему в этом же квартале, и показывал все новые и новые варианты. Кажется, что симфонии и оперы рождаются легче, чем непритязательный, прозрачный, как ночной ленинградский воздух, напев, который после выхода фильма мгновенно ушел в народ и зажил своей жизнью.

---

² Популярная в 1920-е годы точка зрения, что в коммунистическом обществе, лишенном буржуазных предрассудков, удовлетворить половые потребности должно быть так же просто, как выпить стакан воды. Теория считалась марксистской, однако В. Ленин и А. Луначарский отрицали это и выступали против такого взгляда на половой вопрос.

Кадр из кинофильма "Встречный" (музыка Дмитрия Шостаковича)

Сергей Юткевич покинул квартиру на Марата, 9, в 1934 году, вслед за Дмитрием Шостаковичем, который давно надеялся на улучшение жилищных условий, и наконец это произошло: «Октябрь 1932 г., Ленинград. Вчера состоялось очередное заседание правления ленинградского Союза композиторов. На заседании было постановлено задействовать перед ЦИК СССР о награждении меня к пятидесятилетию Октябрьской революции орденом Трудового знамени. Мотивировка такова: я честно работал за время моей сознательной жизни с партией и рабочим классом, несмотря на мою тяжелую прошедшую жизнь (тяжелое в высшей степени материальное положение и тому подобное), я не утратил веры в победу Октябрьской революции и проникался все большим и большим энтузиазмом в деле создания советской музыкальной культуры. <...> В общем, говорили так много хороших слов, что я чуть не расплакался, будучи по природе человеком нервным. Говорили даже о моих скверных квартирных условиях, я же убежал, дома всплакнул немножко, потом стал трезво рассуждать: получу или не получу...»³

---

³ Из письма П. Маркову // www.shostakovich.ru.

Нина Варзар, 1930-е.

Новое жилище Шостакович получил. Ему выдали 70 квадратных метров в Дмитровском переулке, и вовремя: композитор женился. Избранницей его стала двадцатитрехлетняя ученая-астрофизик Нина Варзар, веселая, добродушная девушка, решившая оставить научную карьеру ради семьи. Первые месяцы совместной жизни, еще не въехав в новую квартиру, пара проведет здесь, на Марата: «...после свадьбы Дмитрий стал гораздо спокойнее. <...> Но домашние трудности в сочетании с затруднениями в работе сильно изменили его характер:

из мягкого, уравновешенного юноши получился мрачный интроверт, нетерпеливый и резкий со своими близкими, редко разговаривающий с матерью и сестрами.

<...> Вежливый и приятный (с чужими), но также требовательный и очень упрямый, Дмитрий всегда замкнут в себе и почти высокомерен»⁴. Нина, однако, терпеливо относилась к переменам настроения мужа. Она понимала, что выбрала в партнеры не обычного человека – гения.

---

⁴ Из письма сестры композитора // www.shostakovich.ru.

Д. Б. Шостакович, отец Дмитрия

Софья с детьми – Зоей, Митей и Марией

Митя Шостакович, 1914

«29 марта 1933 г., Ленинград. Вчера встал с постели. Перенес ангину и воспаление среднего уха. Вчера у меня неожиданно собралось большое общество. Были все превосходные люди. Все пришли «на огонек» без предупреждения, угощать было абсолютно нечем, но время провели славно. Часа в два ночи раздался густой храп. Это Нина заснула, тем самым намекнув гостям, что пора и домой. Пишу понемногу концерт для фортепиано с оркестром и выражаю

недовольство моей жизнью. Боюсь оглохнуть»⁵. Старая квартира провожала двадцатисемилетнего Дмитрия Шостаковича последними посиделками – сколько здесь было им прожито! Практически вся сознательная жизнь, будущий лауреат бесчисленных советских премий, наград, почетных званий обосновался здесь двадцать лет назад, еще в другой стране, Российской империи...

Семья инженера Дмитрия Болеславовича Шостаковича наняла квартиру в доходном доме князя Мещерского в 1914 году, когда их сыну Мите было восемь лет, а его сестрам Марии и Зое – одиннадцать и пять соответственно. Улица Марата называлась тогда Николаевской – мальчик хорошо знал ее, до переезда они жили здесь, неподалеку. Отец Дмитрия работал по профессии, а мать Софья была пианисткой. Интеллигенты и либералы, Шостаковичи проводили вечера, обсуждая революцию 1905 года, собирая гостей в тесной столовой (художник Борис Кустодиев именно здесь сделал знаменитый детский портрет Дмитрия), играя на рояле и исполняя цыганские романсы.

Февраль 1917 года. Доносившийся из этих окон зычный голос Дмитрия Болеславовича, напевавшего «Отцвели уж давно хризантемы в саду», заглушен истошным криком мальчугана, зарубленного на улице казаком.

Разгоняют беспорядки. На обочинах стоят грузовики с вооруженными солдатами. Одиннадцатилетний Митя, впервые увидевший воочию зверскую резню, еле дыша от ужаса, мчится домой. Не считая ступеней, влетает на свой пятый этаж в уже не кажущуюся такой безопасной квартиру родителей.

Убитого на его глазах мальчика Дмитрий не забудет никогда и первым делом попытается выразить переполняющие эмоции единственным доступным ему средством – музыкой. Уже два года Шостакович занимался фортепиано. Поначалу ни особой любви к музыке, ни желания учиться не было, но упорство матери, абсолютный слух и отличная память быстро открыли мальчику безграничные возможности самовыражения в этом искусстве.

Практика давалась Мите поразительно легко, и с первых дней он начал пробовать сочинять сам, сначала с матерью в качестве педагога, а затем в частной музыкальной школе Гляссера. Уже в двенадцать лет начинающий композитор создал фортепианную пьесу «Траурный марш памяти жертв революции», посвященную той страшной картине убийства ребенка, свидетелем которой он стал. Позже эта тема вернется во Второй и Двенадцатой симфониях.

---

⁵ Из письма П. Маркову // www.shostakovich.ru.

Параллельно с музыкальной школой, из этого дома Шостакович ездил и в общеобразовательную гимназию. Отец надеялся, что Митя пойдет по его стопам и станет инженером. Но любовь к музыке оказалась сильнее, и в тринадцать лет одаренный юноша поступил в Петроградскую консерваторию, занятия в которой не пропускал, несмотря на охватившие страну беды – голод, болезни, отсутствие отопления и транспорта.

«Я был болезненным ребенком. Всегда плохо быть больным, но худшее время для болезни – когда не хватает еды.

А в то время с едой было очень тяжело. Я был не очень сильным. Трамваи ходили редко. А когда трамвай наконец приходил, вагоны были забиты, и толпа пыталась втиснуться в них.

Мне редко удавалось войти. У меня просто не было сил втиснуться. Поговорку «Наглость – второе счастье» придумали именно тогда. Поэтому я всегда рано выходил, чтобы добраться до консерватории. Я даже не думал о трамвае. Я шел пешком.

Так было всегда. Я шел, а другие ехали в трамвае. Но я не завидовал. Я знал, что у меня нет другого способа добраться, я был слишком слабым»⁶.

Шостакович рано повзрослел. Когда ему было семнадцать, умер отец. Мать и сестры были сильно истощены, а сам он заболел туберкулезом и сильно ослаб, несмотря на выхлопотанный ректором консерватории Глазуновым дополнительный паек.

Теперь он стал главой семьи и, каждый день выходя из этого дома, знал, что музыка музыкой, но вернуться нужно с деньгами:

«Я прожил жизнь пролетария, а не зеваки. Я вкалывал с самого детства, не в поисках своего “потенциала”, а в физическом смысле слова. Мне хотелось бродить и смотреть по сторонам, но у меня была работа»⁷.

Дмитрий устроился тапером в кинотеатр «Светлая Ленга» (позже – «Баррикада»). Работа была изнурительной, а отношение начальника унижительным. Платили гроши, но нужда была сильнее гордости. Мать и сестры, как могли, поддерживали его: «Несмотря на нашу бедность и постоянные нехватки, наш Митюша очень избалован необходимым комфортом, за ним ухаживаем все мы, его нужно вовремя кормить, все ему подать и сделать. Отсутствие режима губительно для него. <...> Вся беда, конечно, это в нашей бедности и полном отсутствии финансов и полном неумении завоевывать в жизни положение. Но в этом мы, по-видимому, неизлечимы»⁸.

Митюша же видел домашнюю жизнь иначе: «Дома обстановка унылая; все, кроме меня, отчего-то ссорятся друг с другом. Я ничего не могу сделать для того, чтобы чем-нибудь осветить их жизнь. Моя мама и сестры такие хорошие люди, но у них очень мало радостей. Забота о завтрашнем дне и больше ничего в сущности. Но я ничего не могу сделать для их радости. Я знаю, что моя радость – ихняя, но у меня нету радостей. Скорее все горе и сомнение. Но я никогда не позволю себе огорчать их своими печальями. И так у них их много. Поэтому дома я весел, бодр, утешаю, если возможно, смешу и ощущаю каждый мой нерв. Я их держу в непрерывном напряжении, но пару раз не выдержал. Позавчера, идя в консерватории по гостинному коридору, заплакал. Выплакал все слезы, и не стало легче»⁹.

Сколько раз то из консерватории, то со службы устало плелся в этот дом разочарованный композитор. Но скоро стены дома на Марата услышат и ликование, и радостный смех! 12 мая 1926 года двадцатилетний Шостакович с триумфом представит в Большом зале Филармонии свою дипломную работу, Первую симфонию:

«Попытаюсь описать вам наши волнения в связи с исполнением Митиной симфонии. Всю зиму мы жили ожиданием этого события. Митя считал дни и часы. Наступил день концерта. Митя не спал всю ночь. В половине девятого мы приехали в филармонию. К девяти часам зал был полон. Что я почувствовала, увидев дирижера Николая Малько, готового поднять свою

---

⁶ Волков С. Свидетельство. Воспоминания Д. Д. Шостаковича, записанные и отредактированные С. Волковым. Harper&Row, 1979.

⁷ Волков С. Указ. соч.

⁸ Из письма С. В. Шостакович, матери композитора, Б. Яворскому //www.shostakovich.ru.

⁹ Из письма Б. Яворскому // www.shostakovich.ru.

палочку, невозможно передать. Могу только сказать, что иногда бывает трудно пережить даже великое счастье... Все прошло блестяще – великолепный оркестр, превосходное исполнение... Но самый большой успех выпал на Митину долю. По окончании симфонии Митю вызывали еще и еще. Когда наш юный композитор, казавшийся совсем мальчиком, появился на эстраде, бурные восторги публики перешли в овацию...»¹⁰

Дом № 9 по улице Марата, где с 1914 по 1934 годы жила семья Шостаковичей (ЦГАКФФД СПб)

За этой овацией последуют и другие: «Исполнение моей симфонии будет лебединой песней меня – композитора. Потом я стану музыкальной машиной, умеющей изображать в любую минуту “радость свидания двух любящих сердец”»¹¹.

В этом доме Шостакович напишет еще десятки произведений, в том числе две оперы – «Нос» по одноименной повести Гоголя и «Леди Макбет Мценского уезда», посвященную жене Нине.

Квартира № 7 в доме на Марата, 9, все еще хранит дух двадцатилетнего пребывания выдающегося музыканта. Об обстановке и некоторых личных вещах Шостаковича позаботился его ученик, прославленный дирижер и виолончелист Мстислав Ростропович. В 2002 году вместе с супругой, оперной певицей Галиной Вишневской, он приобрел и восстановил жилище, пережившее с семьей Шостаковичей взлеты и падения – революцию, войны, смерти, болезни, свадьбу, радости творчества, смех друзей и триумф музыкальных побед.

---

¹⁰ Из письма С. В. Шостакович, матери композитора, Б. Яворскому // www.shostakovich.ru.

¹¹ Из письма Б. Яворскому // www.shostakovich.ru.

Литература

Волков С. Свидетельство. Воспоминания Д. Д. Шостаковича, записанные и отредактированные С. Волковым. – Harper&Row, 1979.

Келдыш Ю. В. Ассоциация современной музыки // Музыкальная энциклопедия: в 6 т. / Гл. ред. Ю. В. Келдыш. – М.: Советская энциклопедия; Советский композитор, 1973.

Луначарский А. В. О быте. – М.: Ленинград, 1927.

Смагин С. А. Критика «Полового вопроса» в советском кинематографе второй половины 1920-х – начала 1930-х гг. // Артикульт. – № 27 (3–2017).

Страницы жизни // Издательство «Дмитрий Шостакович» (DSCH);
www.shostakovich.ru.

Хентова С. М. Молодые годы Шостаковича. – Л.: Советский композитор, 1975.

Хентова С. М. Шостакович. Жизнь и творчество. – Л.: Советский композитор, 1985.

Шерих Д. Ю. Улица Марата и окрестности. – Центрполиграф, 2012.

Шкловский В. За сорок лет. – М., 1965.

Юткевич С. Контрапункт режиссера. – М.: Искусство, 1960.

**Особняк Демидова
(1840 г., архитектор О. Монферран)
Большая Морская ул., 43**

«В доме княгини Ливен происходят своеобразные собрания. Впереди стоит пожилой англичанин и горячо говорит о чем-то на английском языке, а около него стоит молодая барышня и переводит на русский язык. Перед ними на стульях сидит публика самая разнообразная: тут княгиня, а рядом с ней кучер, потом графиня, дворник, студент, прислуга, фаб-

ричный рабочий, барон, фабрикант, и все вперемешку. Все слушают со вниманием, а потом встают на колени, обернувшись лицом к стулу, и молятся своими словами»¹².

Так насмешливо петербургские газеты в конце XIX и начале XX века описывали собрания евангелистов, каждое воскресенье проходившие здесь, в доме княгини Натальи Ливен на Большой Морской, 43. Соседний, 45-й дом принадлежал ее родной сестре, княгине Вере Гагариной, которая вместе с Натальей руководила общиной евангельских верующих. Исключительность этих приемов и пренебрежительный тон, с которым о них судачили в обществе, объяснялись тем, что на государственном уровне подобные собрания были запрещены.

Евангельские христиане, которых также называли пашковцами по имени основателя движения, были ближе к протестантизму и баптизму, чем к православию, и подвергались гонениям. Браки, заключенные между верующими, признавались незаконными, что делало невыносимой жизнь пар и их детей, пребывающих в глазах православной церкви во грехе и позоре. Особенно активных деятелей высылали на Кавказ и в Сибирь. Самого Василия Пашкова, идео-

---

¹² Ливен С. П. Духовное пробуждение в России. Корнталь: Свет на Востоке, 1967.

лога конфессии, организовавшего в 1870-х при помощи Ливен и Гагариной евангельское движение, по требованию государя еще в 1884 году изгнали из столицы.

Конечно, опала должна была добраться и до Большой Морской, ведь о приемах у княгини Ливен и ее сестры знал весь город. Однако малахитовая гостиная особняка осталась приютом евангелистов еще на десятилетия.

Когда в 1884 году генерал-адъютант Александра III приехал сюда с требованием государя прекратить собрания, его встретила сорокадвухлетняя хозяйка особняка Наталья Ливен. Бывшая фрейлина, близко знакомая с императорской семьей и вдова князя Ливена, тайного советника, служившего обер-церемониймейстером при императорском дворе, попросила передать Александру III такой ответ:

«Спросите у его императорского величества, кого мне больше слушаться:
Бога или государя?»

Александр будто бы сказал на это: «Она вдова, оставьте ее в покое»¹³. Так этот дом остался оплотом евангельской общины – ежедневные собрания для домашних (вместе со слугами здесь проживало около пятидесяти человек) и еженедельные для всех желающих проходили здесь в течение тридцати пяти лет!

Интерьеры особняка в 1914 году (ЦГАКФФД СПб)

---

¹³ Ливен С. П. Духовное пробуждение в России. Корнталь: Свет на Востоке, 1967.

Орнамент в Обеденном зале

Вид части колонного зала

Танцевальный зал

Часть Большого зала

Мог ли предположить Огюст Монферран, строивший в 1830–1840-х этот и соседний дом (№ 45), параллельно с возведением Исаакиевского собора, что залы, спроектированные для привычных нужд аристократов – балов, званых вечеров, светских приемов, – будут использоваться по назначению только первыми хозяевами особняков – владельцем сибирских чугуноплавильных заводов Павлом Демидовым и его женой, фрейлиной двора, знаменитой красавицей Авророй.

Свое недолгое супружество (Павел скончался в 1840 году, через три с половиной года после свадьбы) пара провела в основном на лечебных курортах Германии, почти не бывая в Петербурге. Тем не менее особняк на Большой Морской был официальной резиденцией Демидовых: дом № 43 использовался для приемов, в то время как № 45 – для жилья. Затем хозяином стал их единственный сын, пресыщенный повеса, в 1864 году сдавший дом итальянскому посольству на девять лет, по слухам, за проигрыш в карты. Полвека спустя Италия приобретет этот дом, уже у следующих хозяев.

При княгине Наталье Ливен знаменитый малахитовый зал, когда-то ставший образцом при оформлении Зимнего дворца и иконостаса Исаакиевского собора, превратился в молебельный.

Аристократы, сидевшие бок о бок с кучерами и кухарками, жаловались, что в доме пахнет навозом.

Хозяйка же со смирением отмечала, что малахита в зале становится все меньше – во время многочисленных собраний гости отколупывали кусочки ценного декора и уносили с собой.

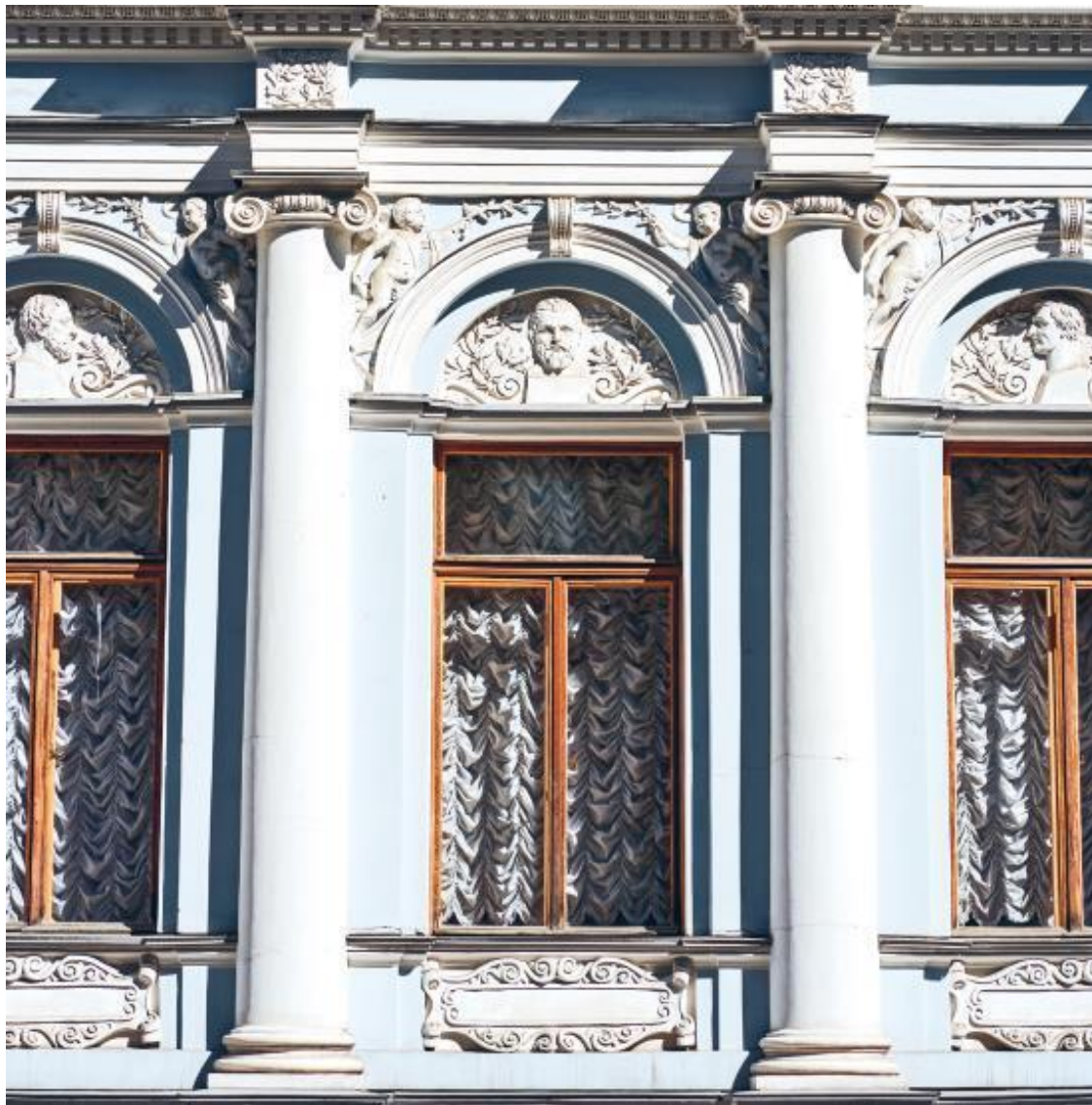
Пятеро детей Натальи с детства приобщались к религиозной деятельности. Самая младшая, София, которая станет достойной преемницей княгини, с малолетства вместе с сестрами и старшей воспитательницей работала в созданной в этих стенах воскресной школе.

«У дворецкого было семь детей, у одного из слуг двое, у дворника шестеро, у швейцара пятеро. В Гагаринском доме было пять детей, и, кроме того, приходили еще со стороны, так что в общем набиралось до тридцати детей. Мои две сестры и я участвовали в этой работе. Помню, когда мне было около девяти лет, я уже вела класс девочек.

Мне не всегда удавалось объяснить слушательницам свою мысль. Помню, готовясь ко дню Рождества, я учила их песни: “Вести ангельской внемли”. Слово “весть” им казалось непонятным. Я постаралась им привести пример и сказала: “Вот если бы я вам сказала, что сейчас пройдут солдаты с музыкой (мимо нашего дома часто проходил военный оркестр и, подходя к

памятнику Николаю I, недалеко от нас, начинал играть; дети со всей улицы при этом событии сбегались и следовали за оркестром), это было бы то, что называется вестью.

Ну, а теперь скажите, что значит слово «весть». Я получила дружный ответ: «Это значит, что солдаты проходят».

Надеюсь, что впоследствии я умела лучше объяснить детям значение слов!

Моя вторая сестра руководила классом мальчиков. Они сидели перед нею на ступенях укромной, но светлой лестницы; так как классов было много, то они размещались, где и как могли»¹⁴.

Итальянский посол и члены посольства приветствуют толпу народа, собравшуюся перед посольством (Морская ул., 43) по случаю объявления Италией войны Австро-Венгрии. 27 августа 1916 г. (ЦГАКФФД СПб)

Был в доме и магазин, где продавалась одежда, изготовленная бедными швеями, которым помогали сестры Ливен и Гагарина. Здесь часто появлялись придворные дамы, выбиравшие белье и детскую одежду для своих благотворительных целей. Ливрейные лакеи, ожидавшие своих барынь на улице, часто беседовали с дворником дома или другой прислугой. Разговор, разумеется, шел о Христе. Нередко визит заканчивался тем, что лакей взбирался на козлы придворного экипажа в слезах, держа под мышкой Новый Завет, заботливо подаренный ливенскими слугами. В таком же одухотворенном настроении покидали магазин и знатные покупательницы – в перерывах между демонстрацией товаров, кроткие улыбочивые продавщицы рассказывали дамам о Господе.

Наталья Ливен гордилась своими служащими-миссионерами. Каждое утро в 8:30 дом оживлялся – вся семья и домашние собирались на молитву. Прочитывалась одна глава из Библии, после чего разъясняли и обсуждали прочитанное. Присоединиться к аристократам могла и прислуга, чье мнение внимательно выслушивали.

Старший дворник Иван Ильич, много лет проработавший в семье, был горячим приверженцем веры своей хозяйки и не пропускал ни одного собрания. Когда в 1910 году княгиня продала дом итальянскому посольству, Иван Ильич не покинул место. Он поступил на службу к молодым дипломатам и все время сетовал на их легкомыслие и безнравственность. Однажды

¹⁴ Ливен С. П. Духовное пробуждение в России. Корнталь: Свет на Востоке, 1967.

дворник-миссионер, провожая одного из итальянских герцогов на вокзал, на прощание решил сказать ему несколько слов из Евангелия. Иван Ильич не знал языков, а иностранец не понимал по-русски. Тем не менее герцог внимательно выслушал крестьянина, который так воодушевился, что не заметил, как поезд тронулся. Старик сошел на ближайшей станции и отправился пешком в город, на Большую Морскую, радостный от того, что смог донести до посланника слово Господа.

После революции княгиня Ливен вместе со своей сестрой Верой Гагариной переехала в ее имение в Тульской области, где и скончалась в 1920 году. Итальянское посольство располагалось в этом доме с небольшим перерывом до 1957 года, а затем в течение почти сорока лет здание занимал институт «Гипростанок». Малахитовое убранство из уникального зала особняка итальянцы сумели вывезти из СССР, и о его местонахождении до сих пор ничего не известно.

Литература

Булах А. Г., Абакумова Н. Б. Каменное убранство центра Ленинграда. – Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1987.

Демидов П. Н. Русский биографический словарь: в 25 томах. – СПб. – М., 1896–1918.

Лесков Н. С. Великосветский раскол: Лорд Редсток и его последователи (очерк современного религиозного движения в петербургском обществе). – СПб.: Библия для всех, 1999.

Ливен С. П. Духовное пробуждение в России. – Корнталь: Свет на Востоке, 1967.

Огарков В. В. Демидовы, основатели горного дела в России. – СПб., 1891.

Пругавин А. С. Раскол внизу и раскол вверх: очерки современного сектантства. – А. С. Суворина. – Санкт-Петербург, 1882.

**Доходный дом
(1910 г., архитектор М. И. Серов)
Некрасова ул., 6 / Короленко ул., 1**

«Первый день войны мы с мамой встретили на пляже у Петропавловской крепости. Воскресенье, нагретые солнцем гранитные стены, теплый песок и холодная нельская вода...

Когда по радио объявили о выступлении Молотова, пляж как-то замер. Казалось, что все остановилось. Голос из репродукторов перекрывал шум машин и трамваев на Кировском мосту. Люди слушали молча, быстро собирались и уходили. Всюду было слышно слово – война. <...>

Наш дом номер шесть по улице Некрасова готовился выдержать тяготы войны. Дети вместе со взрослыми таскали на чердак песок, наполняли водой железные бочки, раскладывали лопаты, ломы, большие щипцы, которыми надо было хватать зажигательные бомбы. Без конца теребили взрослых – что еще надо сделать? Каждый чувствовал себя бойцом, участником в общем, ответственном деле. Из подвала в наш двор-колодец были вынесены все дрова. <...> Мы пожалели потом, что не наполнили дровами все углы нашей коммуналки. Что осталось во дворе – пропало. Подвал должен был стать бомбоубежищем. Там поставили скамьи, нары и по вечно сырому полу положили мостки.

Первая в моей жизни бомбежка осталась в памяти ярче других, потому что было страшно, непередаваемо страшно, как никогда потом за всю жизнь. Рев самолетов, грохот зениток совсем рядом, с Баскова переулка. Дрожание стекол и взрывы, от которых качался наш дом. И еще – темнота... Мама держит меня за руку. Мы выходим, спотыкаясь в темноте о непривычные углы и пороги, на черную лестницу.

Тьма наполнена шорохами, дыханием людей, на ощупь спускающихся вниз в бомбоубежище. Кажется, что шевелится сам дом.

В шепоте голосов ощущение неуверенности и общего страха. Хочется скорее туда, где свет, но в темноте все идет очень медленно. Еле нахожу ногой ступени. Ноги мои, как из ваты, коленки не просто дрожат – они дергаются и не слушаются меня. «Что со мной? Это от страха... Значит, я трус? Хорошо, что темно, – никто не увидит, как мне страшно... Только бы не потерять, не выпустить мамину руку!»¹⁵

---

¹⁵ Короткевич Л. И. Нам жизнь дана... СПб.: Островитянин, 2012.

Лина Короткевич

Летом 1941 года Лине Короткевич, жившей в коммунальной квартире № 3 на втором этаже этого дома, было всего девять лет. Она только что закончила первый класс, получила в подарок пианино «Красный Октябрь» и, уже собрав чемоданы, готовилась, как обычно, отправиться на каникулы к бабушке и деду.

Вместо этого девочку ждали четыре года войны, девятьсот дней блокадного голода, обстрелов, страха и испытаний, свидетелями которых стали стены этого дома, который Лина и ее мать, проводив почти всех соседей, не покинули.

В самые жуткие голодные дни, когда спасением были даже сушеные очистки от картошки, была одна вещь, которую мама настрого запретила трогать Лине. Бутылочка прокипяченного подсолнечного масла, запасенная с лета. Вскоре Лина узнает, для чего предназначалась заветная жидкость. А пока девочка, запертая в четырех стенах (какие могут быть прогулки в такое время), коротала дни в нескончаемой череде налетов и обстрелов, находя утешение лишь в невыключавшемся радио, по которому, пока нет перерыва на сообщение об очередной бомбежке, транслировали так много детских передач.

Под «Тома Сойера» и «Детей капитана Гранта» Лина представляла, как она сама попадает в героические приключения. В эркере второго этажа этого дома как раз устроили пулеметное гнездо для защиты со стороны Володарского (Литейного) проспекта.

Вместе с мамой девочка дежурила здесь же, в доме, в помещении домовой конторы. Когда объявлялась тревога, мама крутила механическую сирену, и по дворам разносился сигнал опасности. А в свободное от дежурств время мама учила Лину шитью и вязанию – они мастерили маленькие рубашечки, из чего-то выкраивали пеленки. Тогда и стало понятно, для чего, а точнее для кого была оставлена неприкосновенная бутылочка с подсолнечным маслом.

Скоро в доме на Некрасова, 6, где не было ни воды, ни канализации, ни света, ни дров, не говоря уже о хлебе, должен был появиться младенец. . .

Большая коммунальная квартира быстро пустела – остались лишь Лина с мамой и женщина с дочкой, которые вот-вот должны были эвакуироваться. Квартира стояла холодная. Ни плиту, ни печь было не протопить. Дров не хватало, а при высоте потолков более четырех метров все тепло уходило вверх.

Но однажды мама все-таки основательно натопила большую печь. Она вытащила припасенные сухари и сахар, вручила их Лине и взяла с нее слово, что девочка никуда не выйдет из квартиры, кто бы ни звал, не будет жечь остаток свечи и спички, постарается не бояться обстрелов. А будет только ждать. Ждать маму. И она непременно придет через несколько дней и еще принесет малыша.

Вид углового фасада жилого дома с общественными помещениями № 6/1 на углу улиц Некрасова и Короленко, 1960 (ЦГАКФФД СПб)

Поцеловав дочь, женщина отправилась в больницу на улице Маяковского. Ее не было целую неделю, и напуганной Лине, до того никогда не остававшейся совсем одной, было никак не связаться с ней.

«Это время без мамы слилось для меня в нескончаемо длинное, мучительное, полное страхов ожидания. Бомбежки, обстрелы, день или ночь – было все равно. Черные шторы я не открывала, отгибала только угол. Боялась, что не смогу потом плотно закрыть, и с ними казалось безопаснее. <...> Большую часть времени сидела на кушетке, где в угол, образованный стеной и боком пианино, можно было положить подушки и прижаться к ним спиной. Таким способом сзади обеспечивалась безопасность от всего неизвестного, может быть, даже и от снаряда?

Я знала, что обе стороны нашего дома считаются опасными при артобстреле.

С моего места было видно почти всю комнату и дверь. Пока было хоть немного светло, я подшивала что-то из одежды для маленького, читала, рисовала и слушала радио.

Большой заботой была экономия спичек и свечки. Подолгу я сидела в темноте с коробочкой спичек в руке, загадывая, что просижу без света столько-то. До тех пор не зажигала огня, пока мне не начинали мерещиться всякие ужасы. В темноте, когда заняться было нечем, еще и есть хотелось отчаянно. Оставленную еду я разделила на части по числу дней, назначенных мамой. Но к вечеру, к ночи, из части следующего дня я все-таки откусывала кусочек, а то и еще. Очень презирала себя за это, но... потом снова делила то, что осталось, на равные доли, разложив все богатство на маленькие бумажки. Доли становились все меньше и меньше. Потом осталась одна вода. В комнате давно уже было очень холодно. Свечка превратилась в расплывшийся по блюдечку блин. Огонек в этой лужице все уменьшался и однажды совсем погас. Тогда я уже не слезала с кушетки, не открывала штору, решила спать, чтобы скорее прошло время. Уснуть не получалось, было страшно. Остатки спичек держала в руке даже и под одеялом. Зажигала в минуты отчаянного страха, чтобы убедиться, что в комнате никого нет»¹⁶.

---

¹⁶ Короткевич Л. И. Нам жизнь дана... СПб.: Островитянин, 2012.

Через неделю мама вернулась, а с ней новорожденная сестренка Лины – Светик, появившаяся на свет в самую жуткую позднюю блокадную осень, но мгновенно развеявшая в воспоминаниях Лины все пережитые ужасы. Лина полюбила Свету, как большую куклу. Вскоре стало понятно, что матери придется с утра до ночи работать, и в свои девять лет Лина – единственная, кто сможет вырастить малышку. Молоко у истощенной женщины пропало сразу, бесконечное питье кипятка лишь добавляло отеки. На помощь пришла молочная кухня на

Фурштатской, 24, где выдавали разбавленное сгущенное молоко и два кругленьких печенья, которые надо было в нем размачивать. Лина и мать получали тогда по 125 граммов блокадного хлеба в сутки, и как же смотрели они на печенье, предназначенное малышке!

А бутылка с маслом? Да, она очень пригодилась. Ранним утром, уходя на работу, мама пеленала Свету во столько пеленок и одеял, сколько удавалось, и оставляла Лине. Весь день до самого позднего вечера девочка так и лежала в своих пеленках, постоянно крича. Лина качала ее, пела песни, кормила сгущенным молоком, сокрушалась, что даже пустышки нет, чтобы успокоить малышку. Высвободить девочку из пеленок было нельзя – в квартире не топили, а морозы стояли такие, что по дому они ходили в пальто и спали, не раздеваясь. Воды не было, помыться было огромной проблемой. Лина стойко дожидалась вечера, чтобы передать кричащую сестру матери. И тогда, придя после многочасовой изнуряющей работы, голодная ослабевшая женщина распеленывала малышку, после чего обильно смазывала опрелшую кожу Светы спасительным маслом, не тронутым даже в жесточайших муках голода.

Обе девочки и их мать, оставшиеся в войну единственными жильцами в этом доме, выжили. Лина стала художником и архитектором, преподавала на кафедре художественной керамики и стекла в Академии им. А. Л. Штиглица и дожила до семидесяти восьми лет.

Литература

Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX – начала XX века / под общ. ред. Б. М. Кирикова. – СПб.: Пилигрим, 1996.

Короткевич Л. И. Нам жизнь дана...: воспоминания / Лина Короткевич. – СПб.: Островитянин, 2012.

Короткевич Л. И.: преподаватели // Санкт-Петербургская Государственная Художественно-промышленная академия им. А. Л. Штиглица, Кафедра Художественной Керамики и Стекла // glassceram.ru.

**Доходный дом Зайцевых
(1877 г., архитектор И. С. Богомоллов)
Фурштатская ул., 20**

«... imaginez-vous que ma femme a eu la maladresse d'accoucher d'une petite litographie de ma personne. J'en suis au désespoir malgré toute ma fatuité [... представьте себе, что жена моя имела неловкость разрешиться маленькой литографией с моей особы. Я в отчаянии, несмотря на все свое самомнение]»¹⁷, – пишет Пушкин княгине Вяземской 4 июня 1832 года о долгожданном событии, произошедшем в доме Алымовых, стоявшем тогда на этом самом месте.

Тридцатитрехлетний поэт и его двадцатилетняя супруга наняли просторную четырнадцатикомнатную квартиру на Фурштатской, 20, всего месяц назад, в мае. И в мае же, 19 числа, именно здесь впервые стали родителями. Счастливое событие привело в восторг всю семью. Сам поэт плакал при родах и говорил, что в следующий раз убежит (к слову, так и получилось – следующие три раза он приезжал уже после появления детей на свет).

---

¹⁷ Пушкин – Вяземской В. Ф., 4 июня 1832 // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1977–1979.

Имя новорожденной – Мария – Александр выбрал по нескольким причинам. Во-первых, так звали бабушку поэта, а во-вторых, Пушкин негодовал от народной фантазии, привыкшей коверкать красивые русские имена до полной неблагозвучности. Евдокия превращалась у нас в Авдотью, Феврония в Хавронью, Флор во Фрола, что на слух поэта и вовсе было собачьей

ключкой. Александр решил всем своим наследникам, Марии и будущим детям, давать имена, из которых «возлюбленные соотечественники» не ухитрятся сделать «безобразные для уха».

Сестра поэта Ольга искала в малышке сходство с Александром: «Теперь сижу у брата, и он мне объявил, чтобы я и не думала от него уехать раньше субботы. Невестка чувствует себя хорошо, а малютка у нее хоть куда; на кого будет больше похожа, нельзя сказать, но, кажется,

скорее на отца, и выйдет такая же крикунья, как и он, судя по тому, что голосит и теперь очень исправно»¹⁸. Отец же Пушкина, Сергей Львович, сравнивал новорожденную девочку с ангелочком, сошедшим с полотен Рафаэля. Ему вторила мать поэта, Надежда Осиповна: «Именно, ангел кисти Рафаэля, и чувствую: полюблю Машу до безумия, сделаюсь такой баловницей, как все прочие бабушки. <...> Девочка меня полюбила; беру ее на руки...»¹⁹. Позже, однако, Надежда, отметя слабое здоровье малышки, предрекала, что долго она не проживет: «Мари не меняется, но она слабенькая, едва ходит, и у нее нет ни одного зуба. <...> не думаю, чтоб она долго прожила»²⁰.

---

¹⁸ Павлицев Л. Н. Мой дядя – Пушкин. Из семейной хроники. М.: Эксмо, 2012.

¹⁹ Там же.

²⁰ Русаков В. М. Рассказы о потомках А. С. Пушкина. СПб.: Лениздат, 1992.

Бабушка ошиблась. Мария проживет долгую, наполненную событиями жизнь. Станет фрейлиной императрицы Марии Александровны, влюбится и выйдет замуж за Леонида Гаргунга, который, будучи управляющим Императорскими конными заводами, через семнадцать лет счастливой семейной жизни будет несправедливо обвинен в растрате и совершит самоубийство, не выдержав позора. Познакомится со Львом Толстым и станет внешним прототипом Анны Карениной:

«Лев Николаевич... пристально разглядывал ее.

– Кто это?...

– М-ме Гартунг, дочь поэта Пушкина.

– Да-а, – протянул он, – теперь я понимаю... Ты посмотри, какие у нее арабские завитки на затылке. Удивительно породистые.

<...>...Она послужила ему типом Анны Карениной, не характером, не жизнью, а наружностью. Он сам признавал это»²¹.

Наконец, Мария станет свидетельницей революции! Дочь Пушкина, единственная из детей помнящая своего отца (ей было четыре с половиной года, когда его не стало), умрет от голода весной 1919 года, чуть-чуть не дождавшись пенсии, о которой ходатайствовал для нее нарком просвещения Луначарский. Москвичи не увидят больше старушки, долгие годы приходившей на Тверскую и часами сидевшей возле памятника своего отца.

Во всей России знать лишь ей одной,
Ей, одинокой седенькой старухе,
Как были ласковы и горячи порой
Вот эти пушкинские бронзовые руки.
Она встает. Пора идти к себе
В квартиру, чтоб заснуть сегодня рано.
Уходит. Растворяется в толпе
Неторопливо, молча, безымянно²².

Дом на Фурштатской, где родилась Мария, еще в 1870-х будет снесен и заменен каменным и приобретет современный вид. В конце XIX века здесь поселится присяжный поверенный Дмитрий Стасов, чья дочь Елена станет знаменитой революционеркой. В этих стенах, в квартире родителей, ее арестуют в 1912 году и отправят в сибирскую ссылку. Здесь же в 1917-м она в своей комнате будет проводить заседания бюро ЦК, на которых неоднократно бывал Владимир Ленин.

---

²¹ Кузминская Т. А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне: воспоминания: [О Л. Н. Толстом]. М.: Правда, 1986.

²² Доризо Н. России первая любовь. Мой Пушкин: Стихотворения, поэмы, проза. М., 1986.

Улица Петра Лаврова. до реконструкции! (ЦГАКФД СПб)

В 1917 году двери этого дома открывает Владимир Ильич, а за восемьдесят пять лет до этого то же самое делал Пушкин, три месяца проживший в доме Алымовых, стоявшем на

этом месте: «Александр, когда возвращался домой, целовал свою жену в оба глаза, считая это приветствие самым подходящим выражением нежности, а потом отправлялся в детскую любоваться своей Машкой, как она находится или на руках у кормилицы, или почивает в колыбельке, и любовался ею довольно долго, часто со слезами на глазах, забывая, что суп давно на столе»²³.

---

²³ Павлицев Л. Н. Мой дядя – Пушкин. Из семейной хроники. М.: Эксмо, 2012.

Литература

Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX – начала XX века / под общ. ред. Б. М. Кирикова. – СПб.: Пилигрим, 1996.

Доризо Н. России первая любовь. Мой Пушкин: стихотворения, поэмы, проза. – М., 1986.

Кузминская Т. А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне: воспоминания: [О Л. Н. Толстом]. – М.: Правда, 1986.

Павлищев Л. Н. Мой дядя – Пушкин. Из семейной хроники. – М.: Эксмо, 2012.

Пушкин – Вяземской В. Ф., 4 июня 1832 // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979.

Русаков В. М. Рассказы о потомках А. С. Пушкина. – СПб.: Лениздат, 1992.

Стасова Е. Д. Страницы жизни и борьбы. – Издательство политической литературы, 1960.

Февчук Л. Портреты и судьбы: из ленинградской Пушкинианы. – 2-е доп. – Ленинград: Лениздат, 1990.

Черкашина Л. А. Мария, дочь поэта // Столетие. – 7.03.2019.

**Доходный дом
(1882 г., архитектор А. И. Поликарпов)
Верейская ул., 12**

«Единственно, чем Д. С. был не совсем доволен в нашей первой квартире, – это ее местоположением: это был очень недурной, не старый дом на Верейской улице, № 12, в третьем (по-русски) этаже. (В пятый Д. С. особенно не желал меня поселять). Эта Верейская улица – почти переулок – была действительно далеко и от центра... и ехать надо было, на тогдашних извозчиках, весьма долго.

Квартирка была очень мила. Ведь так приятно всегда вдруг очутиться среди всего нового, чистого и блестящего. Очень узенькая моя спальня, из которой выход только в мой кабинет побольше (или салон), потом, на другую сторону, столовая, по коридору – комната Д. С., и все. Ванны не было, но она была устроена на кухне, за занавеской.

Мне понравились цельные стекла в широких окнах. У меня были ковры и турецкий диван. Помню лампу на письменном столе (керосиновую, конечно, как везде) – лампу в виде совы с желтыми глазами.

Было тепло, уютно, потрескивали в каждой комнате печки. Марфа отворила нам дверь (она была солидная, и я ее сразу стала немного бояться), подала самовар. И тут все новое, незнакомое, – приятное. И я принялась разливать чай...

Д. С. был очень горд своим устройством (воображаю, как бы он справился без матери) и доволен, что все это мне нравится.

Ведь он даже добыл откуда-то рояль (он знал, что я привыкла играть) – должно быть, мать отдала свой. Он был не новый, но хороший, длинный»²⁴.

Сюда, в небольшую уютную квартиру на Верейской улице, повез свою молодую жену, девятнадцатилетнюю поэтессу Зинаиду Гиппиус ее новоиспеченный супруг, двадцатитрехлетний литератор Дмитрий Мережковский. Пара познакомилась всего семь месяцев назад, в июне 1888 года, в Боржоме. Зинаида тем летом уговорила свою едва сводившую концы с концами мать снять на горе небольшую дачу, а Дмитрий, сдав кандидатскую диссертацию и опубликовав первую книгу стихов, как раз путешествовал по Закавказью и, по совету случайных попутчиков, заехал в Боржом. Деньги на путешествие дала любимому сыну его заботливая мать (отец не позволил бы), которая тем летом лечилась в Виши и вела постоянную переписку с юношей, сообщая новости о своем здоровье. За этими-то письмами и зашел в боржомскую почтовую контору Дмитрий, уже собираясь уезжать из хмурого дождливого города. Начальником конторы оказался знакомый Зинаиды, увлекавшийся литературой. Услышав, что гость требует письма на имя Мережковского, служащий вспомнил, что читал его стихотворения в газетах, уговорил поэта остаться в городе и познакомил с кружком местной культурной молодежи, в котором, конечно, состояла и Гиппиус.

Дмитрий мгновенно стал центром компании – он был самый взрослым и самым интересным собеседником среди наскучивших Зине гимназистов. Пара стала встречаться ежедневно – в парке, на музыкальных вечерах, в гостях того самого почтового начальника. Почти все встречи, однако, заканчивались ссорами – Зинаида ругала стихи поэта, а Мережковский рассказывал о своем романе с местной барышней. Так продолжалось две недели, пока в середине июля, ночью, сбежав с душного танцевального вечера в прохладу безлюдного парка, молодые люди не решили пожениться. Традиционного предложения не было, оно и не было нужно – Зинаида и Дмитрий оба знали, что должны быть вместе, хоть с момента знакомства не прошло и трех недель.

Свадьбу играли через пять месяцев в Тифлисе, и тоже по-своему. Вместо белого платья невеста надела костюм темно-стального цвета, а вуаль заменила маленькая шляпка на розовой подкладке. Жених явился в церковь в сюртуке с пелериной и бобровым воротником, который испуганный священник, впрочем, потребовал снять. Не было ни певчих, ни толпы гостей. После быстрой церемонии, отметившись на устроенном матерью свадебном завтраке, молодожены провели остаток дня, читая в комнате Зины вчерашнюю книгу.

Затем – короткий «медовый месяц» в Москве, и, наконец, домой, в Петербург. Впрочем, домом этот город был лишь для Дмитрия. Зинаида, рожденная под Тулой, все последние годы прожила с матерью и сестрами в Тифлисе, а столицу знала лишь по детским воспоминаниям – когда-то Гиппиусы квартировали здесь с отцом, бывшим тогда товарищем обер-прокурора Сената. Однако воспоминания эти были не радужные – собственная болезнь, болезнь отца, вскоре унесшая его в могилу, сырость и снег...

---

²⁴ Гиппиус З. Н. Дмитрий Мережковский. Париж, 1951.

Молодожены прибыли в Петербург январским утром 1889 года. После нескольких лет жизни на юге город даже в ранний час казался сумрачным и неприветливым. Дмитрий решил не портить впечатление Зинаиды от новой квартиры на Верейской, заботливо обставленной его матерью. В такое «мутное петербургское утро» она могла показаться уставшей после дороги девушке недостаточно привлекательной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.